

Спрос на перемены

О суровых зимах, дурной наследственности и других объяснениях «особого российского пути».

Сегодня все думают о завтрашнем дне.
Каким оно будет, это завтрашнее дно?
Современный российский анекдот

Что такое застой?

Помните, как объясняли хронический дефицит продовольствия в Советском Союзе? «Климат виноват. Россия не Америка, у нас то засуха, то заморозки». Но вот уже больше пятнадцати лет об этом мало кто вспоминает, хотя климат все тот же. Ныне в ходу не географический, а так называемый культурный детерминизм. Недавно на встрече российских и грузинских экспертов один из российских ее участников, весьма уважаемый мной человек, безусловно, либеральных и демократических взглядов, так определил истоки различий в политических процессах двух стран. В Грузии исторически сложился самый большой в бывшей Российской империи слой дворянства, а в России — самый высокий слой крепостных. Поэтому Грузия склонна к индивидуализму и готова к непрерывным революциям, а Россия — к рабству и воспроизводству деспотии.

На первый взгляд похоже на правду. В постсоветской Грузии революции случаются так часто, что там даже сложилось шутивное предложение: «Давайте внесем в Конституцию норму о том, что президентом считается человек, который приходит к власти раз в четыре года в результате революции». По поводу же периодического возвращения деспотии в России сегодня только ленивый не говорит. Но ведь не все, похожее на правду, ею является. Я вот вспомнил, что доля дворянства, сопоставимая с Грузией, была и в Японии, и в Польше. Однако самурайство не порождало революций. Да и в современной Польше смена власти обходится без революционных потрясений. Одно и то же явление, в разных ситуациях, при изменяющихся обстоятельствах может привести к разным последствиям. Однако выстроенная на недоразумениях и мифах идея «особых цивилизаций», вечно холопских или вечно шляхетских, очень популярна сегодня в России. И сама эта идея — не только показатель нашей интеллектуальной мысли, но и вернейший признак застоя.

Что такое застой? На мой взгляд, это историческая ситуация, при которой правящие слои не хотят, а оппозиционные силы не могут, не знают, как жить по-новому. И те и другие нуждаются в мифе о фатальной предопределенности судьбы страны — ее «особом пути».

В России нынешняя власть с его помощью оправдывает возвращение к имперской форме правления, именуемой «суверенная демократия». Мол, что поделаешь — традиция у нас такая. В рассуждениях идеологов нового издания официальной народности в России наиболее благословенные ее периоды связаны с деспотией, сегодня уважительно называемой великой державой. Тогда как все попытки либерализации и демократизации приходились на периоды слабого государства и кризисов. И это, кстати, похоже на правду. Но сходство с правдой лишь внешнее, поскольку в этом представлении перепутаны причины со следствием.

Действительно, в периоды величия кто же будет думать о переменах. И так хорошо. Только когда великое государство с шумом садилось в лужу, когда само это величие приводило к поражениям (например, когда самое большое и самое милитаризованное государство Европы середины XIX века проигрывало Крымскую войну иностранному экспедиционному корпусу, приплывшему к берегам России на нескольких кораблях), тогда и приходилось начинать реформы. Но проводились они самой властью, которая изначально хотела ограничить их мелочами, чтобы лишь «ружья кирпичом не чистить». Поэтому реформы всегда были оборванными, незавершенными, предвещавшими новый цикл колебаний российского маятника: от сильной руки — к свободе и обратно.

Либералы, с гневом отвергающие идею «особой цивилизации» как «тысячелетнего величия России», легко принимают тот же миф в другой упаковке — как цивилизацию «тысячелетнего рабства». Одни говорят о фатальной предопределенности истории с радостью, другие — с сожалением, но суть одна — «не дергайся, не рыпайся — смирись».

Спрос на пессимизм

Легко давать мрачные прогнозы. Если такие прогнозы сбудутся, об их авторе скажут — провидец. Если не сбудутся, никто не заметит, все будут счастливы, что беда пронеслась и не задела. Особая мода на такие прогнозы в нынешнем сезоне. Социолог Алексей Левинсон предложил нескольким группам опрошенных, представителям разных возрастных и социальных групп, написать сценарии недалекого будущего: «Россия после мирового финансового кризиса». Желающих дать оптимистический прогноз было мало, а представленные в них образы будущего выглядели плоско, тускло, без подробностей. Зато пессимистических сценариев — хоть отбавляй. И все они написаны живо, в красочных деталях.

Не думаю, что в этом проявился русский национальный характер. Скорее, это признак времени. Проведи социолог такое исследование в начале 1990-х годов, в период демократической эйфории и массовых надежд на быстрое улучшение жизни, он наверняка получил бы множество ярких сценариев светлого будущего.

Есть время, когда возникает спрос на перемены. Тогда появляется писатель Максим Горький, который кличет бурю. Но есть время застоя, и тогда писатель Горький говорит иначе: «Правильно сказал товарищ Соболев. Партия и правительство дали советскому писателю решительно все. Они отняли у него только одно — право плохо писать». В такие времена буревестников не вспоминают, главное — оправдать доверие власти, приспособиться к ее требованиям.

Вот новейший пример такого приспособления. При непосредственном участии Кремля возникает новая партия — «Правое дело», и ее создатели говорят об этом открыто и смело: «Да, такие времена — плетью обуха не переломить, нужно считаться с мощью государственного аппарата. Да, мы будем работать в шарашке, изготавливающей колючую проволоку для суверенной демократии. Да, мы принимаем эти правила игры, но уж в рамках этих ограничений мы будем защищать истинную демократию». Но ведь маятник политических настроений будет раскачиваться и далее.

Не исключено, что в году эдак 2012—2013-м можно будет и вправду увидеть картину, гипотетически представленную Георгием Сатаровым: «Бывшие партийцы из «Единой России» бьют себя в грудь и клянутся, что, ненавидя режим, разлагали его изнутри самими собой, а «интеллигенты» на службе режима исповедуются перед обществом и рассказывают, как тяжело было им собирать материалы для будущих разоблачений... Все новые разоблачения и покаяния дорисовывают странный коллективный портрет ушедшей власти: мразь и мелочь, и непонятно, чего больше. И все острее встают вопросы: чего боялись? почему терпели?

Возможно, немногие сегодня поверят в такую перспективу, но никто не сможет оспорить, что написанная Сатаровым картина — это зеркальное отражение событий, которые уже были в 1990-х годах. Представители партии власти, тогда советской, уже били себя в грудь, уже каялись.

Россия — маятник. Все в ней быстро меняется. Вот и идея фатальной предопределенности российского пути вовсе не фундаментальная — это конъюнктурный продукт, следствие раскачивания маятника общественных настроений. На предыдущем его цикле доминировала совсем другая утопия — полной зависимости истории только от воли человека.

Мне понятно, что время формирует спрос на идеи и на их носителей. Мне понятно, почему ныне в России нет спроса на демократию, но есть спрос на патернализм, фатализм и их «интеллектуальных» защитников. Но если мы говорим об интеллектуалах, то имеем в виду не только тех людей, которые зарабатывают себе на хлеб умственным трудом, приспосабливаясь к массовым настроениям. Мы понимаем под этим людей творческих, стремящихся к новому, к преодолению стереотипов, шаблонов, запретов. В науке и искусстве именно творцы создавали новые направления. В бизнесе — они достигали наибольших высот.

В общественной жизни все сложнее. Здесь тяжелее двигаться против течения. Одинокий голос могут не услышать. В общественных науках трудно что-то доказать: твое слово — против моего. Это вам не закон Ома. И все же люди, осмеливающиеся во времена застоя оспорить массовые настроения пессимизма, кое-что полезное сделать могут. Например, вселить надежду в какую-то часть общества. Это не так мало.

Впрочем, при всем моем уважении к героям-творцам свои надежды на перемены к лучшему в России я связываю не столько с героизмом смельчаков-одиночек, сколько с общей необходимостью России приспособиться к давлению новых исторических обстоятельств.

Тупики «особого пути»

Мировой кризис развеял иллюзии о России как об острове стабильности. Ресурсно-банановые страны оказались более уязвимыми в условиях кризиса, чем индустриальные и постиндустриальные. Даже самые завзятые сторонники «особого пути» вынуждены признать растущую взаимосвязь мира. Именно эта взаимосвязь не на словах, а на практике доказывает несостоятельность идеи предопределенности авторитарно-имперского пути, кто бы ее ни отстаивал — либералы из страха или самодержавники из корысти. Провалилась стратегия «энергетической сверхдержавы». Оказалась несостоятельной и концепция «многополярного мира», понимаемого как его раздел на зоны влияния нескольких сверхдержав. В вопросе о признании независимости Южной Осетии и Абхазии российский истеблишмент очутился в геополитической изоляции. О проблемах внутренней политики говорить не буду. Много об этом написано, да и не хочу трогать лиха. К сожалению, нам предстоит его почувствовать на себе. Это при цене 140 долларов за баррель нефти можно было править, сидя на печи, а уже при нынешней цене все скрытые дефекты падающей вертикали власти проявятся быстро. Для меня очевидна близость к исчерпанию ресурсов российского авторитаризма и империализма. Нет амуниции — остались одни амбиции.

Растущая взаимозависимость стран мира диктует необходимость общих правил игры и узкого, но фундаментального набора универсальных приемов решения глобальных проблем.

Нельзя решить проблему коррупции — а в нашей стране ее масштабы сопоставимы с объемами годового национального бюджета — без развития общественного контроля. Невозможно преодолеть гигантскую, наивысшую в Европе смертность в России без изменения ценностных ориентаций людей и, главное, повышения ценности человеческой жизни. Невозможно преодолеть острейшую для России, но глобальную по своей природе проблему межэтнических отношений без развития толерантности — умения терпеть другого, жить с ним, даже если он неприятен. Необходимо учиться диалогу, приходится находить компромиссы. Америка, с ее жесточайшим еще недавно расизмом, выбрала своим президентом афроамериканца. Франция, родина шовинизма и «дела Дрейфуса», избрала своим лидером потомка сефардских раввинов. Английские консерваторы, любители закрытых клубов, веками охранявшие свою культурную неповторимость, ныне изо всех сил демонстрируют этническую, расовую и религиозную терпимость.

Написал это и тут же представил себе ответ моих оппонентов: «Да, они могут, а наша тысячелетняя история не допускает перемен. Мы пропадем, пропадем, пропадем».

История как дышло

Еще недавно, на предыдущем цикле маятника российских идей, либеральная интеллигенция и слышать не хотела о концепте тысячелетней истории. Напротив, все проблемы страны выводились исключительно из эпохи социализма или даже только его фрагмента — сталинизма, изменившего «нормальный» путь России. Ныне же, во времена спроса на пессимизм, когда потребовались научные обоснования концепции тысячелетнего рабства, историю вручную выпрямили. Теперь это даже не колея, а магистраль с односторонним движением.

Разумеется, бессмысленно отрицать, что культ империи родился не в СССР. Однако так же нелепо отрицать и различия между авторитарным режимом и тоталитаризмом, претендующим на полную (тотальную) власть над обществом. Например, авторитаризм никогда не посягает на традиции, он опирается на них и на церковь — основной канал трансляции традиционных норм. Только тоталитаризм стремится заменить традиционную религию новой. Замены не произошло, но в разрушении традиций он преуспел. Несмотря на огромные вложения в развитие инфраструктуры РПЦ, число истинных верующих не растет. По данным Бориса Дубина, доля людей, посещающих православные храмы не реже раза в неделю, уже 15 лет не превышает 3%, а доля тех, кто ходит к причастию, т.е. действительно причастных к церковной жизни, и того меньше — 2%. В стране, где более полувека был культ Павлика Морозова и Любви Яровой, смешно слышать о преобладании семейных ценностей и прочности семейных уз. Разрушены остатки соседских связей. Еще недавно были дворы, в которых пенсионеры, играя в домино, все же приглядывали за соседями, а бабушки, сидевшие на лавочках перед парадным, судачили о нравственности тех или иных семей. Это хоть как-то восполняло отсутствие полноценного механизма социального контроля, действовавшего по принципу «Что люди скажут». Где же ныне хранится та традиция, которая якобы препятствует каким-либо переменам в нашей стране?

Социализм в значительной мере форсированно разрушал этнические, религиозные и цивилизационные традиции. Он сформировал действительно особую цивилизацию, простиравшуюся от Эстонии до Туркмении, от ГДР до Вьетнама. Многочисленные кросскультурные исследования указывают на поразительное сходство многих социальных черт народов, особенно европейских, бежавших из бывшего лагеря социализма.

Здесь самый низкий уровень готовности к самоорганизации и участия в общественной деятельности — в 5-6

раз ниже, чем в остальной Европе. По доле лиц, которые сталкивались с принуждением к взятке, все посткоммунистические страны вышли в лидеры и занимают верхние строки рейтинга. Стоит ли удивляться тому, что и по готовности дать взятку эти же страны впереди всей Европы? Любопытно, что по данному параметру лидируют не славяне, а эстонцы, в то время как их близкие этнические родственники финны замыкают таблицу. Вывод: многовековое этническое родство и длительное проживание обеих этнических групп в Российской империи оказали меньшее воздействие на особенности их актуального поведения и сознания, чем несколько десятилетий жизни эстонцев в составе СССР.

Особая коммунистическая цивилизация сложилась не за тысячелетия и даже не за век. Но как быстро она сложилась, так же быстро (в историческом масштабе) и разлагается.

Понятно, лагерь был один, а бараки разные. Конечно же, моему другу Адаму Михнику было во много раз легче оставаться нонконформистом и стремиться к созиданию новой политической реальности в Польше, чем нам здесь. Он мог опереться на некую историко-культурную автоматику, на культивируемое польской элитой уже полтора века стремление вырваться из империи и войти в ту самую Европу, в которой ныне преобладает спрос на демократические ценности. В России такой целевой установки не было. Однако напомним, что в 1991 году в нашей стране, где не было никаких историко-культурных позывов к Европе, большинство (67%) опрошенных говорили о том, что «социализм завел нас в тупик, наше будущее и наша модель — это Запад». В начале 90-х большинство опрошенных поддерживали совсем уж нетрадиционную для России идею: «Зачем искать врагов, если причина наших бед в нас самих».

Инженеры человеческих душ

Указанные настроения держались два-три года, пока потихоньку не стали ослабевать. Сказалась усталость от незавершенных реформ, от ошибок властей. Главное же, что цена на нефть — основного источника нашей жизни — в конце эпохи Ельцина упала до 9 долларов за баррель. Тогда и заговорили: «Социализм был не так уж плох, а опыт Запада нам не подходит». Быстро стали распространяться страхи и фобии: «Все зарятся на наши ресурсы, хотят отхватить жирные куски нашей территории». С середины 1990-х годов галопирующими темпами развивается ксенофобия. Повторяю известное, но замечу: ни одна из перечисленных идей не родилась в народе. Люди лишь высказали согласие с утверждениями, которые были вначале прочитаны или услышаны.

В условиях усталости от реформ всегда и везде быстро развиваются такие «интеллектуальные» течения, которые эксплуатируют стереотипы, разжигают страхи. Это занятие стало привлекательным и прибыльным для нынешних инженеров человеческих душ.

Современная социальная антропология исходит из того, что возможности так называемого конструирования (а проще говоря, манипулирования общественным мнением) исторически сильно возрастают. Особенно велики эти возможности в России, и речь идет не только о монополизации наиболее сильнодействующих средств массовой манипуляции.

Материалы многих кросскультурных исследований показывают, что наша страна — один из мировых лидеров по уровню разрушения традиций и механизмов их воспроизводства. В нашей стране действительно намного сложнее, чем у бывших сокамерников по лагерю, начать процесс сшивания социальных связей, и он неизбежно займет больше времени. Если традиционные отношения и базовые ценности разрушены, то общество становится беззащитным перед угрозой манипуляции массовым сознанием.

Но не бывает такого, чтобы все было плохо. Нет худа без добра. Низкая традиционность обуславливает высокую готовность массового сознания к восприятию инноваций. Ныне лишь как курьез воспринимают быстрое приживание на российской почве Хеллоуина и Дня святого Патрика. Интеллектуалы издеваются над тем, что лидерами продаж выступают книги по восточным единоборствам и кришнаизму. Между тем в этом отражается важная тенденция. С XIX века Россия демонстрирует потрясающую легкость восприятия новых идей: французского материализма и немецкого романтизма, гегельянства и марксизма. Последним был воспринят англосаксонский либерализм. Да, он воспринят. Само слово «либерализм» наши сограждане могут ныне отвергать — так им сегодня внушили, — но многие базовые ценности либерализма уже утвердились. С начала 1990-х годов около 40% опрошенных сохраняют свою солидарность с главной либеральной идеей: «Мы должны быть свободными и заставить государство служить нашим интересам». Эта доля не ниже той, которую выявляют опросы в странах Восточной Европы, входящих в состав ЕС. А знаете ли вы, что описывали в сценариях мрачного будущего те, кого опрашивал социолог Левинсон? Никто не писал о развале страны. В это не верят или этого не боятся. Страхи вызывало возрождение тоталитаризма, репрессий, тюрем. Так ведь в этих страхах закодированы и главные ценности, люди больше всего хотят сохранить свободу, пусть

нынешнюю, урезанную, но все же с «Новой газетой» и радиостанцией «Эхо Москвы», с Интернетом и свободой выезда в Анталию. У большинства населения и этого не было в прошлых исторических циклах, возвратом которых нас сегодня пугают.

Патриарх американской дипломатии XX века Джордж Ф. Кеннан в 1951 году писал, что не стоит и мечтать о таком экономическом устройстве России, которое основано на частной инициативе, и обосновал свой вывод следующими соображениями: «Россия едва ли была знакома с частной инициативой в том ее виде, к которому мы привыкли в Америке... К тому же торгово-промышленная деятельность не считалась в России таким почетным занятием, как на Западе». И что же, сбылись его предсказания? В 1991—1994 годах наша страна продемонстрировала небывалые во всей мировой истории темпы прироста численности предпринимателей. За четыре года только в одну из его разновидностей, челночную торговлю, было вовлечено 10 млн человек (с семьями — более 30 млн человек) — бывшие доярки и учителя, инженеры и рабочие. О России заговорили как о стране торговцев. И это уже не в первый раз в российской истории. После Гражданской войны, в условиях разрухи, себя и страну спасали от голода миллионы мешочников. Потом появился НЭП, ликвидированный вовсе не по просьбе трудящихся. Так ведь и сегодня нет недостатка в проявлениях частной инициативы. Основной преградой развития предпринимательства в России выступает государственная политика — серьезные административные барьеры на всех этапах осуществления предпринимательской деятельности.

Бизнес долго терпел. Бизнесмены надеялись на защиту царя от плохих бояр-мздоимцев. Сейчас эти надежды тают. В таких условиях лишь самые богатые захотят искать свободу и защиту в Швейцарии или в другой стране. Подавляющее же большинство представителей предпринимательского сообщества будут защищать свое имущество в своей стране. Утрачивая надежду на защиту царя, не имея возможности опереться на традицию, как в странах Азии или Латинской Америки, они будут пробиваться к защите закона, будут стремиться к замене традиционной для России власти персоны властью нормы.

* * *

Сегодня только и говорят о цикличности развития России, о постоянном чередовании реформ и контрреформ. Не раз писал об этом и я, будучи при этом уверенным, что ничего уникального в такой цикличности нет. Напротив, не так легко вспомнить страну, которая миновала бы циклы попятных движений. О пяти «незавершенных революциях» в Испании писал еще К. Маркс, а с тех пор там произошли еще как минимум две. Франция, родина идеи «народного суверенитета», пробивалась к ее осуществлению через многочисленные революции. Реставрационные процессы не раз проявлялись в истории Англии. Широко известны китайские династические циклы, включающие периоды кратковременных революций, смуты и контрреформ, восстанавливавших традиционные институты. Цикличность пронизывает все человеческое развитие — это скорее норма, чем исключение. Об этом говорил еще Н. Гоголь: «И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребенок. Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины...».

Или слышу такое доказательство уникальности России — ее элита была настолько оторвана от народа, что в какие-то века даже говорила на другом языке. Вот так невидаль! Да трудно вспомнить страну, где было бы иначе. При этом уровень отрыва элиты от народа зачастую был выше, чем в России. На территории Франции и Англии элита кельтская сменилась романской, затем германской. В Финляндии долго доминировала шведская элита, в Чехии, Литве, Латвии — немецкая, на Украине — польская.

Сегодня только и слышишь: «почва, почва, почва». Однако термин «культурная почва» — это метафора. Помимо культурной почвы есть и другие — природная, экономическая. Кто сказал, что главные причины попятных движений в России связаны именно с ее особой культурной почвой? А я вам скажу, что больше вины на другой почве — экономической. Триста лет Россия живет торговлей своими природными ресурсами. Только раньше продавали лес и пеньку, а сейчас — нефть и газ. Когда страна торгует ресурсами, то удерживается ценность империи, потому что при ресурсном государстве имперская территория — главный ресурс. Кто доказал, что это навечно? Уж эта экономическая почва точно будет изменяться.

Я абсолютно уверен, что скоро снова наступят времена, когда в обществе будет спрос на перемены. Куда меньше у меня уверенности, что к тому времени интеллектуалы либерального толка будут готовы встретить новый спрос предложением новых проектов. И все же надеюсь, что интеллигенции наконец-то станет стыдно ссылаться на суровые зимы и трудные почвы.

Автор — доктор политических наук, профессор ГУ—ВШЭ, генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований, руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма Института социологии РАН, бывший советник президента РФ.

Автор: Эмиль Паин © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 3316 08.02.2009, 18:18

URL: <https://babr24.com/?ADE=50668> Bytes: 23204 / 23132 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Эмиль Паин.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)